

ЧУЖОЙ СВЕТ

Был вечер, солнце опускалось в дымно-туманную мглу. Вот уже два месяца, как наш край обьят засухой и лесными пожарами и солнце мы видим тусклым красным шариком, да и то не всегда. Из беседки — стол, две скамьи по сторонам и дощатый навес, — обвитой по сторонам лианами винограда и лимонника, мне был виден палисадник. Цвели тигровые лилии. Я так и эдак при-норавливался, но братья за этюдник не рещался, мешала мгла. Лилии в дневное время по цвету ближе к густо-оранжевому, да еще с коричневыми крапинками на лепестках, загнутых в колечки, а в сумеречное — наливались несвойственной им краснотой, почти густо-карминной. Зеленая листва вокруг цветков угасала, слива-лась в однообразные, то темные провалы-пятна, то более светлые — белесоватые с общей бурой поволокой, а лилии теряли четкие очертания и превращались в густые красные пятна. В течение дня они накапливали солнечный свет и теперь интенсивно излучали его. Нечто похожее я наблюдал и у красоднево-саранок, они обретали очень яркую окраску, четкую лепку лепестков, когда солнце скрывалось и лишь с неба продолжал струиться обильный свет. Но с лилиями происходило иное, они словно бы окутывались красным сиянием, распространяя его и на со-седние растения.

Подобное биологического характера сияние свойственно не только растениям, но и живым организмам, тем же жучкам-светлячкам. Они черные, хорошо впитыва-ют солнечные лучи и в темноте начинают сами отдавать свет. Кто не наблюдал в теплую июльскую ночь, как они перелетают голубыми яркими искрами, то угасая, то вновь вспыхивая. Порой, при густом полете, это просто феерическое зрелище.

А свечение воды в Японском море, насыщенной зоопланктоном! Плещешь на себя будто не водой, а жидким серебром. Впрочем, В. К. Арсеньев наблюдал это явление и в северной части Татарского пролива, когда ночью шел на лодке вдоль побережья.

В лесных дебрях мокрые гнилушки в теплые ночи начинают светиться — фос-форесцировать, будто догорающие в костре головешки. Они отдают накопленный свет жаркого июльского дня. В молодости бывало так интересно найти влажный светящийся от прели пень и кусочком мягкой древесины украсить волосы любимой.

Наряду с естественным свечением есть и насильственное. Не могу забыть случая на войне, которому уже за полвека. Шло наше наступление. Ноябрь уже подмораживал, земля была плотно накрыта густым туманом. Из темной мглы летели пули-светляки, чиркали об землю, иные гасли в ней, другие уносились в небо. Откуда-то издалека гитлеровцы вели пулеметный огонь, и методически,

через две-три минуты, по оставленным окопам било тяжелое орудие. От близких взрывов встряхивало блиндаж, меж бревен струйками сыпался песок. Блиндаж днем отбит у немцев. Он сложен крепко, накрыт четырьмя накатами бревен, но они могут выдержать лишь удар мины из батальонного миномета, а не снаряда. И все-таки укрытие! Он битком набит уставшими до смерти солдатами и офицерами, ими заполнены двухъярусные нары и проход так, что яблоку негде упасть. Люди объаты тяжелым сном, ему не может помешать даже обстрел. Комбат спит сидя, уронив голову на крохотный столик, рядом с коптилкой — трофейной сальной плоской — и коробкой телефона. Связист поправляет огонек и время от времени бубнит: «Волга! Волга! Я — Дон! Как слышите?» В блиндаже накурено, не продохнуть от испарений мокрых шинелей, воздух такой густой, хоть топор вешай, но в духоте все равно лучше, чем в сыром холодном окопе.

Спать хочется до смерти, но мне нельзя, надо не прозевать возвращение разведчиков: вдруг потребуется огневое прикрытие, иная помощь? Могут оказаться и раненые... Время от времени выхожу в окоп, всматриваюсь в темноту, вслушиваюсь. Время тянется будто резиновое, а минуты-секунды ползут по-пластунски. Свист очередного снаряда нарастает с непостижимой быстротой. Тут не зевай! Падаю, где стоял, обхватываю голову руками, вжимаюсь в твердь превратившимся в камень телом. «Все! Конеч!» Земля подпрыгивает от удара, грохочет, обдает дымом горелой взрывчатки. С шумом сыплются сверху комья земли. «Пронесло! Живем...» Тело запоздало колотит крупной дрожью. Поднялся, начал осматриваться. Метрах в пяти огромная воронка: снаряд угодил прямо в окоп, разворотил его, земля еще исходит дымом, как кострище, на которое плеснули водой, все в ней светится, прямо пылает каким-то голубым неземным пламенем. Светится борт окопа с изорванной хворостяной оплеткой, пылает земля. Не знаю, чем был начинен снаряд, какой взрывчаткой. И вдруг увидел, что из развороченной земли торчит чья-то объятая светом рука. Кого нашла тут смерть, нашего ли солдата-часового или убитого еще днем гитлеровца, — повторно? Мне стало жутко. Не приведи бог видеть кому-то такие «сияния»!

В наше время есть люди, излучающие сияние иного рода — знания. Мысль, особенно сконцентрированная в густок — это энергия. Есть люди, как жучки-светлячки, передающие знания другим, и есть люди — живущие, как растет трава, с такими же несложными заботами о работе, еде, семье. Они сметают отжившие общественные системы, когда те не обеспечивают их нормальной жизни, преобразуют мир и столь же необходимы, как трава...

ЛЕСНЫЕ ДИКОВИНКИ

Живописью и рисованием я увлекся с малых лет. В этом нет ничего оригинального: основы рисунка познаются каждым в школе наравне с другими предметами. Иное дело, что многие, повзрослев, оставляют это занятие: «Художником я не стану, так зачем буду напрасно тратить время на пустяки». И переключаются на дела более практические, безвозвратно теряя возможность приобщиться душою к неповторимой красоте природы.

А как хороши бывают зори, когда утреннюю тишину не нарушают ни шум ветра, ни плеск волны, разве что взбалмошный карась, испугавшись собственной тени, вдруг расколлет зеркальную гладь залива ударом хвоста, и круги долго расходятся по воде. Сквозь туманную кисею прорвется огнистый луч солнца, и оно само следом приоткроет над горизонтом узкий глазок, чтобы осмотреться сначала,

а уж потом подняться из колыбели, и позолотит одиноко стоящую у табора приземистую иву, дымок от костра, столбиком поднимающийся вверх, и высокие осинки на другом берегу.

Еще больше поражают наше воображение порой картины закатов, когда облака разгораются пожаром и краски сменяют одна другую, когда рядом соседствуют пламень и нестерпимая стынь синих облаков, когда холодная тяжелая волна отражает каждой своей складочкой блеск раскаленных небес, и от одного вида такого соседства синевы и огня становится зябко.

В жаркие летние дни приятно наблюдать, как разрастаются нагромождения кучевых облаков, как в быстро меняющихся их очертаниях видятся нам то фантастические замки, то величественные головы старцев в чалмах, то целые группы великанов. Вспомните величавые разливы Амура-батюшки, несущего на своей необъятной груди «Ракеты» и теплоходы, вспомните уютные уголки на берегах озер и проток, при виде которых сам собой вырывается вздох: ах, какая прелесть! Смотришь, и кажется, картина навечно врезана в память, но проходит день-два, и многое, если не все, улетучилось, остались только самые общие представления. Да, видел лес, горы, доли. Интересное место... И самому становится тошно от такого пересказа.

Сколько раз я испытывал горечь оттого, что картины более свежие и яркие наивно заслоняли собой виденное прежде, да о них и рассказать был не в состоянии, потому что не хватало слов. Как свежо у меня это чувство утраты. Оно всякий раз овладевает мною, когда возвращаюсь из странствий по родному краю, не сделав снимков или беглых зарисовок и этюдов. Не всегда и не везде бывает возможность раскрыть краски, но если уж не утерпел, раскрыл этюдник, чтоб ухватить хоть перышко жар-птицы — Природы, то тут все иные заботы отступают. Что успеешь за полчаса-час, когда тебя ждут спутники, другие дела и атакуют полчища комаров, мошек и безжалостно жалящих оводов?! Разве самую малость. Однако и эти отдельные листочки с ветвистого древа природы, набранные от случая к случаю, дают представление о неповторимом облике Приамурья.

Если зори, закаты, величественные панорамы гор и лесов доступны взору каждого, то иные свои причуды природа открывает лишь людям любознательным, с известной долей воображения. Природа — большая мастерица на всякие выдумки.

Проезжая Амуром мимо Нижней Тамбовки, я всегда вижу, если гора не закрыта облаками, огромный останец на вершине Чаятына. Он всякий раз представляется мне землепроходцем, глядящим в сторону океана. Но кто мог высечь из твердешшего базальта такой огромный монумент, видимый на двенадцать километров? Я разумом понимаю, что он изваян ветрами, водой и морозами, как и подобный ему «Дед» в красноярских «Столбах», но что толку, если в моем воображении это фигура Ерофея Хабарова в шубе. Только б чуть-чуть подправить его, и он был бы хорош.

Природе зачастую не хватает лишь этого «чуть-чуть», чтобы довести начатое до состояния определенности, при котором скала, камень, корень или иной материал обретает ясную для каждого форму.

При свете дня в лесу все обычно и понятно, без всякой загадочности: с дряхлой перестойной ели свешиваются сивые бороды лишайников, а на черные пни-выворотни даже и не смотришь. Но вот сумерки обволакивают землю, и выворотни начинают дыбиться медведями и иными чудищами, а в чаще на месте лишайников вдруг проглядывают какие-то лики и таинственные фигуры, и в душу невольно закрадывается страх. Так и кажется, что тебя подстерегают разные нелюди, и разгравшееся воображение угодливо рисует их очертания.

Утром взошло солнце и... нет ничего. Пень смотрится пнем, выворотень — выворотнем, а там, где чудились лики, — просто ветви и лишайники.

Такое бывает и на реке, когда плывешь по ней на лодке: иная коряга похожа на плывущего сохатого, другая фантастическим зверем тынет лапы...

Такие причуды, обусловленные сменой освещения, дают пищу воображению, но ничего не оставляют в руках. А есть такие, что, обративши на себя взор любопытного человека, остаются фигурой зверя, птицы, рыбы, человека в какой-нибудь странной позе, которым недостает лишь чуть-чуть, чтоб обрести ясно видимую форму.

Отыскивать «полуфабрикаты» природы — очень занятное дело. Идешь ли лесом, берегом реки, моря, а все смотришь под ноги и по сторонам: вдруг подходящий корень, ветка или плавина! Вот странно изогнутая веточка привлекла внимание. Пригляделся, прикинул: олененок-кабарожка, чуть откинувшаяся в испуге назад, — гибкая, изящная, беззащитная. Оставалось лишь чуть «довести» мордочку да поставить торчком ушки.

На озере Кизи, бродя по берегу, я нашел среди плавника круглый, как тыква, кап. Видимо, он мешал на бревне и был срезан у основания-горловинки. Я принес его на циркулярку, и там с грехом кое-как перепилили его надвое, потому что целиком он не влезал в мешок, и без него переполненный всяким «добром». Дома я выбрал из капа сердцевину, отполировал его, потом прошелся по нему выжигателем, и получилась чудесная «лесная чаша». К любому столу — украшение.

В другой раз, путешествуя по Сукпаю, сидели мы с приятелем у костра и подкладывали в огонь сушняку, потому что прихватывал морозец, а мы были одеты по-летнему. Я притащил пенек, вымытый водой вместе с корнями, и целиком пристроил его на огонь. Когда он разгорелся и с него начала отваливаться кора, я вдруг увидел, что корни со множеством вмятин: ольха росла на крупном галечнике, и некоторые камни вросли в корни и сидели там, как в гнездах. Я выхватил пенек из огня и принялся его тушить. Приятель смотрел на меня круглыми глазами — уж не рехнулся ли я! Но когда я начал разделять корни на части, и он потянулся к ним. Уж очень причудливые были на них извивы. Из одного куска я сделал уточку: вытянулась на лапках, чистит себе клювом грудку. Она тоже была почти готовой, оставалось найти ей подставку и чуть-чуть подправить головку и клюв...

Этюды из моей домашней коллекции следует рассматривать как увлечение любознательного человека, нечаянно-негаданно обогатившегося от общения с природой и готового поделиться с другими виденным, слышанным, перечувствованным. Если этюды, исполненные красками, целиком дело моих рук, то работы из корней в большей части изваяны самой природой, и мне оставалось их только найти и проявить до надлежащего вида. Дело это нехитрое, любому почти под силу. Попробуйте — увидите сами. Ваши выходы в лес, на речку сразу станут целеустремленными, появится дополнительный к ним интерес, ничуть не меньший, чем азарт к охоте или рыбной ловле.

Не менее приятные минуты доставляет и обработка корня или наплыва-капа; когда начнешь его строгать, от смолистых стружек на всю квартиру потянет вдруг хвойным ароматом, и тогда кажется, что свидание с природой продолжается.

ПОСЛЕДНИЙ КОСТЕР

В машине нас четверо, но сидим в ней плотно, все — крупногабаритные мужики. А машина все-таки легковая — списанный старенький газик, с чуть ли не полностью замененными потрохами. О прежней доремонтной жизни напоминает разве что один старый номер. Для меня лишь в дороге выяснилась цель поездки —

на медвежью охоту. У хозяина машины — плотного здоровяка сорока пяти лет с намечающимся вторым подбородком, всегда улыбчивого, веселого — имеется лицензия на отстрел бурого медведя. Шурясь от дымка сигареты и придерживая баранку одной рукой, он полез в нагрудный карман и достал лист бумаги, развернул. Я успел прочесть слова «бурого медведя», напечатанные крупным шрифтом. «Не думай, не браконьеры. Все законно...»

Двое других чуть постарше, каждому — под пятьдесят; это мой сын Алеша и его сослуживец по заводу Валера: они едут в тайгу скорее ради компании, чем в надежде на добычу. Сына я знаю хорошо, никакой он не охотник, он жалостлив и глубоко переживает даже за малую пташу. Он рыбак, объектами его промысла являются караси и хариусы. Но с Васей (он за баранкой) его связывает давняя дружба, основанная на том, что Вася, так мы уважительно и ласково зовем хозяина машины, во-первых, симпатичный человек, во-вторых, совсем не употребляет спиртного даже на больших праздниках. С ним можно ехать куда угодно. Для сына и Васи главное не добыча, а провести время на природе, в глухих уголках тайги или на реке, и с расстояниями они не считаются. Сослуживец Алеша пока сидит молча, я его знаю мало, поскольку знакомство наше шапочное.

Узнав о поездке в тайгу, я упрямил взять и меня. Конечно, не для того, чтобы участвовать в их охоте. Мне уже семьдесят девятый, я плохо хожу, не одолею и километра по нашему лесу, отказывают слух и зрение, но я, давний «очарованный странник», соскучился по лесу и пообещал караулить машину, пока они будут шастать по тайге.

Узнав о цели поездки, я сказал, что середина октября — не очень-то подходящее время: медведи выходят к кетовым нерестилищам, и мясо убитого зверя может оказаться негодным в пищу, пропахшим рыбой. И встретить его в тайге мало шансов. «Не встретим зверя, так наберем лимонника», — ответил Вася.

Мне хотелось одного — застать осенний праздничный наряд леса, насладиться им и, если удастся, порисовать. Машина вынеслась на параллельную Владивостокскому шоссе трассу. Серое полотно асфальта своим дальним острием воткнулось в мгlistую даль и потерялось в ней. По сторонам, за кюветами, стояла молодая поросль белой березки и лиственницы. Белоствольные тонкие деревца сияли под солнечным светом в золотистых одеждах, а лиственнички, пушистые, не потерявшие еще ни хвоинки, казались одетыми в мягкие бархатные мантии, густо-оранжевые, как само пламя. В прогалках, на заболоченных низинках с побуревшими травами, земля смотрела в небо синими глазами небольших озер, столь синими, словно вода загустела от первых утренников. Берега этих озерушек и карьерных выемок среди березняка были обложены желтой каймой опавших листьев, не успевших погрузиться в воду.

За поселком Обор, старым, запущенным, с ветхими серыми домишками, захлапленным отходами лесопиления, каким-то даже чужеродным осенней праздничной природе, началась грунтовая лесовозная дорога. Прямая, она устремлялась на юг к синевшим вдали сопкам. Хвойный деловой лес, особенно кедрач, был выбран вблизи Обора еще в тридцатые годы. Поднявшиеся на месте вырубок березняки, осинники скрывали под своим золотистым пологом, под высокими травами и дерниной буреломные остатки былой лихой заготовки — созревшие от времени штабеля бревен, березовой чурки, дров, уложенных, но не вывезенных, и обычного для старых лесов валежника, порубочных отходов. Высокие, в человеческий рост, вейники, ползучие лианы, многообразные кустарники скрывали от глаз это лесное давнее побоище, но стоило сойти с дороги на обочину на двадцать-тридцать метров и можно было убедиться: тут надо быть акробатом, чтоб не сломать ноги, не свернуть шею.

Узкая лента дороги рассекала лесные заросли и терялась в синеве далеких сопкок. По сторонам над желтыми верхушками молодняка поднимались темные острия елей, широкие ветвистые кедры, бывшие в пору заготовок либо тонкомерками, либо ущербными или перестойными, старыми. Но они, как и одинокие старые липы, придавали лесу своеобразную прелесть, напоминали о былом могуществе тайги.

Колеса «газика» наматывали уже вторую сотню километров, шел четвертый час пути, но Вася тянул все дальше вглубь тайги, где надеялся на охотничью удачу. От лесовозной дороги в стороны отходили «усы», но мы проезжали мимо. Наконец свернули с накатанной дороги на едва приметную, и лес обступил нас со всех сторон, придвинулся вплотную, зашуршал по машине нависшими ветками. Ехали косогором по северному склону, за широкой ложиной сквозь редину деревьев просматривался склон другой сопки — южный, озаренный солнцем, блиставший золотом листвы. Над гребнем дальней горы проплывали округлые белые облака, кучевые, словно бы проглаженные воздушными течениями осени, приплюснутые до чечевицеобразности. В холодной голубизне неба уже образовался некий воздушный потолок, не позволявший облакам расти вверх. Остывающая земля уже не взметывала восходящими вертикальными течениями нагретых воздушных масс белые клубы, не громоздила из них причудливые башни, недоставало у нее для этого ни сил, ни запасов тепла.

«Дорога» тянула нас вдаль, глубже в лес, сплошь усыпанный палой, но еще свежей листвой. Она густо накрывала землю не только на проезжей части, но и по сторонам обочины. В колдобинах колеи стояла вода, невидимые ключи пересекали наш путь и терялись, исчезали в чаще. Было заметно, что по этому «усу» уже давно не ходили машины, может, с самой зимы. Лес на нашем косогоре почти оголился, особенно там, где стояли густые заросли молодого ясеня и медвежьей черемухи Маака. Сибирская еще стояла в багряной листве, я видел ее в палисадниках Обора, когда проезжали, а медвежья уже теряла последние лимонно-желтые листочки, они сиротливо трепыхались на макушках. Трудно найти дерево, на котором не имелось бы «гнезда» — вороха заломленных медведем веток.

Мои молодые спутники на ходу примечали по сторонам лианы лимонника с гроздьями красных ягод, оставляя сбор на время, когда достигнут места для табора. Но рядом с машиной — протяни руку и бери — появился выворотень какого-то огромного дерева, закрытый слоем дернины, травами и мелким кустарником и весь опутанный лианами дикого винограда. Красные лепешки листьев осыпались, и гроздья черно-синих ягод висели на виду. Вася затормозил и подал машину назад, мужики выскочили и начали обирать гроздья, они легко отделялись от стеблей. Ягоды были чуть подсушенными, кисло-сладкими, и мы дружно на них набросились. Экое лакомство!

Дикий виноград держится на лианах до снега, до морозов, и достаточно тряхнуть лиану, чтобы он осыпался. Вот тогда лишь он особенно сладок и приятен на вкус.

Табор оказался неподалеку. На верхней правой обочине дороги стоял дощатый навес от дождя, под ним — стол и скамьи. Да еще напротив оставленный трактор-лесовоз, с виду вроде бы исправный. Мужики заглянули в бак, а там горючее. Это только у нас можно найти в лесу покинутый трактор, машину или даже танк — прямо клад для проворного коммерсанта. Загораживая полдороги, валялись ясеневые кряжи, куча напиленных, но неколотых дров.

Я уселся рисовать, а спутники натаскали чурок и запалили жаркий костер, начали выкладывать на стол домашнюю снедь. Время три часа дня, пора и подзаправиться! Неподалеку колдобинка с чистой прозрачной водой, зачерпнули ее в чайник, повесили над огнем. Не прошло и десяти минут, как он зафыркал,

забурился, начал плевать кипяток. Засыпали в него горстку чая — и пей, наслаждайся, закусывай!

Да, общицали мы за последние годы с навязанной нам рыночной экономикой и прочими прелестями капиталистического образа жизни. Что-то не той стороной оборачивается к народу — основной его массе — этот образ! Поехали в тайгу с ночевкой, а еды — с гулькин нос. Вареная картошка, квашеная капуста, банка рыбных консервов, кулек подсохших пряников, тех, что раньше шли по рублю за килограмм и ни одна хозяйка не решалась выставить их на стол перед гостями. Правда, Алеша достал из сумки бутылку водки, а Валера — шматок сала. Вася налил себе кружку чая, а вы, мол, как желаете. Алеша налил себе и спутнику понемногу водки, ради традиции, ведь не обычный день, а выезд в лес — праздник! — плеснул и мне в кружку, едва на донышко: «Ну, будем!..» Чокнулись, выпили, потянулись к салу. А ведь и в самом деле праздник — выезд в лес, так редко мы теперь с ним видимся, чтоб вот так, в полной тишине, у костра, бросающего дымок то нам в лицо, то от нас, под пологом огромных желтых берез, вершины которых еще окутаны золотистой листвой, хоть и порядком прореженной, побыть наедине с природой. На северном склоне лес оголился быстрее, чем на южном, там солнца поболее, растительность иная, побогаче.

Дальневосточные леса богаты не столь на древесину, на «кубики», сколь на разнообразие пород, на видовой состав. Что ни порода, то несколько подвидов! Тополей — шесть, кленов — три, ивовых — более тридцати, берез — двенадцать. Иные и на березу непохожи, с черной рубчатой корой, или совсем маленькая, кустарниковая, с мелкими листочками — березка Миддендорфа. Вот и желтая, ребристая, с шелушащейся корой, на вид лохматая, неряшливая. На этой березе бывают бугристые наплывы-капы, порой такие, что и не обхватить, по кубометру. В таких капах красивой текстуры не найти, велики в них извивы.

До чего же приятно посидеть с кружкой горячего чая у веселого жаркого огонька, чтоб ощущать на лице, руках его дыхание, такое притягательное, волнуемое. Вроде и ветра совсем нет, а дымок мечется из стороны в сторону, да так, что приходится вскакивать и пересаживаться: дымок горьковат, сразу слезу выжимает. Возраст мой таков, что невольно приходит мыслишка: может, это мой последний костер? Не в том смысле, что вернусь домой и тут же коньки отброшу. А вот удастся ли еще когда побывать в лесу, не в пригородном, где все исхожено, истоптано, а в настоящем! И то — меня уже отговаривали от поездки: дорога тряская, ухаб на ухабе, и далеко, и мало ли что в пути может случиться! Вот и сижу у моего, может, последнего костра, любуюсь им, а в душе радость и грусть вперемежку. Хороша наша Земля, сколько ни живи, как ни живи, а покидать ее жалко. Вот только плохо мы о ней заботимся, зорим ее, а украшаем, ублажаем мало. Большой заботы она от нас заслуживает. Мысль об этом приходит запоздало, когда начинаем высматривать свой след, оставляемый на ней, когда силы на исходе и воротиться невозможно, чтоб повторно пройти уже по-хорошему, по-людски.

Сколько ни живи, а все хочется заглянуть вперед, хоть на годик-два: а что там, за перевалом, как жизнь повернется? И тревога порой берет: мы-то худо-бедно свое отжили, повидали всего, хорошего и плохого, иной раз такого, что никому не доведись! А каким боком повернется жизнь к нашим детям, внукам? Мешать им не хочется, а думается, что не светит им уверенность в завтрашнем дне, ой не светит! Всякие СИЗО, колонии, тюрьмы молодежью переполнены, а разве место ей там?.. Не те ориентиры ей даны!..

Мужики взяли сумки и отправились собирать лимонник, а я вырезал палку и отошел от костра поглядеть, что вокруг табора растет. Под ногами мягкая дернина, густо присыпанная опавшей листвой, хоть собирай ее и составляй многокрасочные

картинки-панно, как это делают из цветочных лепестков. Папоротник приник к земле широкими узорчатыми листьями, а орляк еще стоит, не опускает поблекшие листья. Склон сыроват, солнышко бывает редко, трудно пробивалось оно до земли через плотные кроны деревьев, и потому обильно возрос тут папоротник Адриантум дланевидный. Он любитель сырых затененных мест. На тонком стебельке, как от ладошки растопыренные пальцы, расходятся узорчатые лепестки. И впрямь длань человеческая! Очень красив этот папоротник, редко он встречается в лесу, не то что орляк или корневищный.

Повсюду стебельками-тычинками стоит хвощ зимующий, в виде зеленых суставчатых трубочек в карандаш толщиной, но много длинней. Зимой в голодную пору спасает он диких кабанов от бескормицы. В стебельках много кальция, таежники отчищают хвощом, как наждаком, котелки, кастрюли от копоти.

Молодые крепенькие ясенки выделяются среди другого лесного подроста тем, что имеют на концах ветвей утолщения — будущие почки. Из них летом развернутся семилепестковые листья, красивые, почти как у нашего маньчжурского ореха, только поменьше размером.

Не заметил, как запутался в лианах актинидии, схватился за какую-то палку, а это колючая аралия. Актинидия сбросила красные листья, а вот ягодки сохранила. Ничего, сладкие. Рядом лиана лимонника приникла к деревцу, обвилась вокруг него. На лиане рдеют гроздья ягодок. Они очень вкусные. Покойный лесовод Н. В. Усенко назвал их плодами пяти ароматов, хоть и трудно различимых, но заметных, уловимых. Собирая плоды, не надо обрывать лианы, подрубить под ними опору. В семенах ягод и в коре лианы содержится тонизирующее, бодрящее вещество шизандра.

Лимонник китайский — лекарственное растение.

Среди папоротников и хвоща поднимаются растения с круглым, в блюдечко, венчиком из узеньких листьев и с ягодкой-пуговкой посередине. Это вороний глаз. Впервые я увидел его, когда шли через Баджалский хребет. Шли темным ельником и пихтачом, и на моховой подушке росло это растение с единственной ярко-синей ягодой. С тех пор сорок лет минуло, а не забыл.

Среди лесной поросли много черемухи Маака. Кора у нее цвета потемневшей бронзы и отшелушивается тонкими ленточками, как луковая шелуха, только не вдоль, а поперек ствола, по окружности. В пору, когда писатель Александр Грачев работал над повестью «Лесные шорохи», мы с ним поднялись на Хехцир, к самому перевалу, где этой черемухи на северном склоне было очень много. От одного корня поднималось до десятка стволов. Так, тесным семейством, растут в Сибири белые березы.

День клонился к вечеру, и я засел за рисование. Вскоре подошли мужики, пересыпали ягоды в корзины и короба, наскоро перекусили, попили чаю и сказали, что уедут на охоту, а мне поручили охранять табор. Поддерживай, мол, огонь, а мы часика на два-три смотаемся кое-куда. Чтоб по возвращении не шарахаться в темноте, сразу расстелили на земле войлок, кинули на него теплую одежонку. Алеша достал из машины для меня овчинный тулуп, да он мне, как тот пушкинский заячий для Пугачева, узковат, только на спину, а спереди полы не сходятся, в рукава не влезть. Оставили мне и винтовку-мелкашку для стрельбы по рябчикам и бурундукам. Так, мол, на всякий случай. Тайга, может и зверь набрести... Я было отказался: зачем она мне, коль стрелять не могу, правый глаз вовсе не видит?! «Ты, Иваныч, особо не полагайся, что дорога близко, — сказал Вася. — Я тут однажды заночевал, разлегся рядом с машиной повольготней, а среди ночи вдалеку тигр рывкнул. Да так, что меня будто ветром подхватило и в машину бросило. Зверю пути не заказаны...» — «Ну, я в случае, если медведь набредет, на кабину трактора залезу!» — «Бери винтовку, спокойней будет!» Уговорили.

Костер горел жарко, ярко. Может, яркость эту подчеркивала сгустившаяся к вечеру темнота? Там, где солнце закатилось за гребень сопки, небо еще подсвечивалось, а на земле, в чаще, темнело с каждой минутой. Охотники сели в машину и уехали, я остался один. Летние птицы покинули лес, а зимующие не подавали голоса. Тишина полнейшая, только стрельнет вдруг искрами полено, прочертят они огнистые кривые — и снова тишина. Свет костра выхватывал из темноты то ствол ближнего дерева, то сгустки листвы, тени перемещались, двигались, черные выворотни оживали, казались неведомыми существами. Наверное, в человеке дремлет до поры первобытный инстинкт былой враждебности к лесу, и он оживает, будоражит чувства, стоит оказаться одному в темной, ночной чаще. Для полного спокойствия нам нужны стены, пусть даже ветхое ограничение пространства.

Если кто подойдет к костру, то я не услышу, пока не тронут меня за плечо. Чтобы что-то видеть, нужно сидеть спиной к огню или поодаль от него. Я взял тулуп, мелкашку и полез на кабину трактора. Уселся, пристроил винтовку на коленях, затих. Теперь если кто появится возле костра, то я первым замечу, да и сам, не двигаясь, не привлеку внимания.

Угасло заревое небо, на нем проступили звезды, светлой полосой обозначился Млечный Путь. Нанайцы называют его Гусиной дорогой. Но вскоре небо на востоке начало светлеть, и я понял, что на смену одному светилу выходит другое. Лес пока оставался темным, я видел только костер, колебание пламени, редкие огнистые щелчки поленьев и крупных чурок. Издали я хорошо прослеживал полет искр, они отлетали далеко, но поджечь дернину не могли — все вокруг было слишком сырое. В поле света попадали и облетающие с деревьев листья. Они срывались столь же незаметно и тихо, как и росные капли с отяжелевших от влаги растений перед утром. Нет ни малейшего дуновения ветерка, а лист вдруг отрывается от ветки родимой и медленно планирует к земле, скользя из стороны в сторону.

На востоке посветлело настолько, что стало видно сплетение голых ветвей, макушек, они обрисовались в небе над темной стеной леса. Узким глазом глянула полная луна. Серебристый диск ее словно бы с трудом выпростывался на чистом небе, как рыба из черной сети. Вскоре месяц засиял всем диском, в лесу поголубело, обрисовались купы крупных берез, стволы их засияли в темени нежной белизной, сходной с обнаженным девичьим телом. Проявилась полоса ненаезженной, заброшенной дороги, блеснуло лунное отражение в лужице, дым костра поголубел до того, что его просто невозможно было передать в красках. Разве лишь таким мастерам это под силу, как бывлые, — Куинджи, Поленов, Крамской или Леонардо да Винчи с его неповторимой техникой сфумато.

Месяц незримо плыл в небе, вокруг его сияющего лика образовалось радужное кольцо-венеч. Задумчивая, недвижимая, дремала под этим сиянием земля — сопки, покрытые лесом, мари с кустарниками и темными в ночи глазами озер, серебристые текущие ключи, большие и малые реки.

Откуда-то сверху вдруг потягивало холодной струей воздуха, от вершины к подножию как бы скатывалась студеная волна, и она подхватывала и доносила до меня дымок неугасающего костра. Огонь вдруг вспыхивал ярче, пламя взметывалось языками и тут же опадало. Волны накатывались, становилось зябко, я запахивал на коленях тулуп, принимался отогревать руки дыханием, а то и растирать их друг о дружку. Казалось, время остановилось, как это бывало, когда я в молодости стоял на посту, только месяц постепенно смещался к югу да костер угасал. Следовало бы слезть, поправить в костре чурки, но не хотелось терять остатки хранившегося под одеждой тепла. «Вот подъедут ребята, — думалось. — Мне-то огонь ни к чему!» Казалось, что сижу долгие часы, что время уже за полночь, а они что-то забыли

про меня. Где они караулят зверя, когда в тайге не видно ни зги? Может, на переходе через дорогу? Но время кормежки зверя вроде бы уже проходит...

Серебристый лунный свет искрился на влажной от росы листве. Отчетливо виделись среди разнолесья черные ели, они настороженно, вроде бы даже враждебно целились в светило острыми макушками. Все так же сияли белизной стволы берез, догорал мокрый костер. Он уже не стрелял искрами, не выбрасывал язычков пламени, лишь отсвечивали красными раскаленными боками обгоревшие чурки, да слабый дымок тянул на меня. «Какая волшебная выдалась ночь, — думалось мне. — И луна, и костер, и таинственный темный лес. Повторится ли это еще в моей жизни? Уж сколько таких костров осталось позади, а все кажется, что это последний!..»

Вдали блеснул свет фары и пропал, чтоб вскоре вспыхнуть ближе, ярче. Огнеглазая машина вывернула на открытый обзору участок дороги, осветила меня. Я понял, что весь на виду, как рыбный филин, застигнутый днем на ивовом кусту над водой. Я не слышал ни одного выстрела и понял, что зверя охотники не встретили и спрашивать их не о чем. Они помогли мне спуститься на землю с кабины. Я размял затекшие ноги, прошел к костру. Горячие головки придвинули друг к дружке, и они вспыхнули ярко, весело...

Вася звал меня спать в машину, но я хотел переночевать под звездами, на земле и отказался. Со мной рядом улегся Алеша, мы укрылись шубой, тулупом, на нас бросили еще какую-то одежду. Среди ночи я просыпался, старательно подтыкал под себя одежду, окутывал голову, но «Иван Дугин» был настойчив и, находя какие-то прорехи, студил. Он всегда приходит перед рассветом и гнет в дугу путников, заночевавших в лесу, в горах, у реки...

Утром мы поднялись первыми. Алеша принялся раздувать костер, он разгорелся сразу, запылал, получив новую порцию дров. Закон тайги, о нем не раз мне толковал эвенк Гермогенов, занятный человек, таков: встал первым — разведи костер. Он говорил мне о многих таежных законах, обязательных для тех, кто идет в леса, про которые мы, горожане, даже не вспоминаем, начисто их позабыли и даже поступаем им вопреки. Переночевав в зимовье, не оставим и полена дров для других путников, быть может, застигнутых непогодой, не оставим и щепотки соли, спичек, какой-то еды. Все его законы сводились к одному: не забывай о других, помогай им, выручай, тогда и тебя выручат из беды.

Алеша быстро начистил котелок картошек, повесил на таган варить, а потом и чайник. Вернувшись от колдобинки с водой, сказал, что за ночь ее заковало ледком.

Занимался солнечный жаркий денек, какие нередко выпадают у нас в октябре. Сияли позолотой березняки, полыхали кое-где не успевшие оголиться клены и жаркие в пламени листвы осинники. Над синими озерушками свечами горели белоногие березки.

Меня доставили домой в четыре часа дня, целого и невредимого. «Ты весь пропах ароматом костра и свежестью тайги, — сказала жена, принимая из моих рук сумку с виноградом и лимонником. — И даже посвежел! А я так беспокоилась!» «Со мной никогда ничего не случится», — заверил я ее, а сам подумал, что охотно встретил бы свой последний час в тайге, но это слишком большое счастье! Разве могу я на это рассчитывать?

